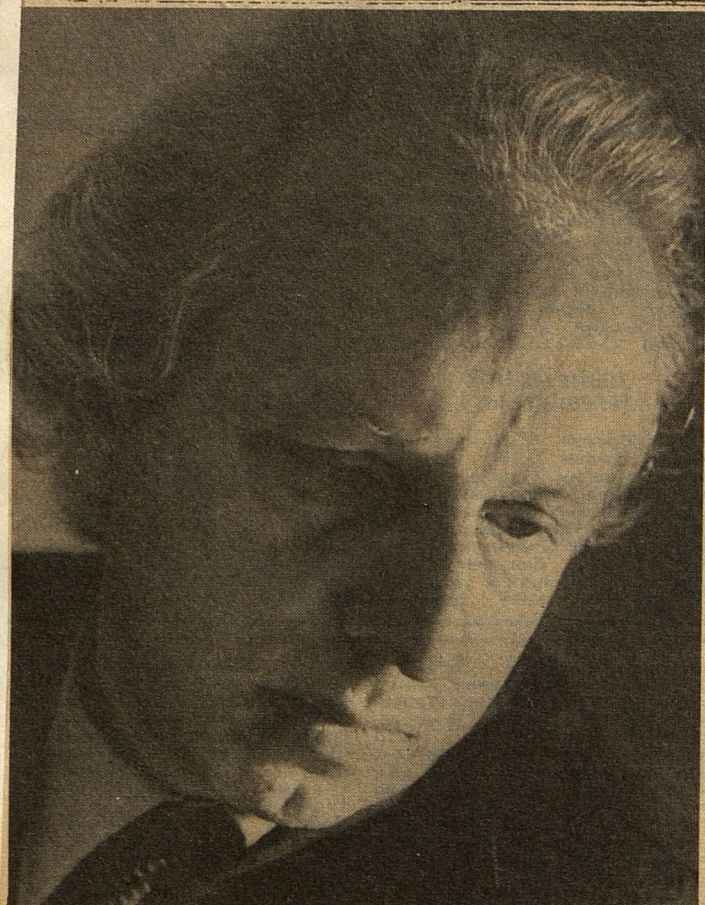

2107

шестоящими инстанциями, пытаюсь чистосердечными признаниями смягчить свою безусловную вину. Нелепо? Да. Но и очень правдоподобно, а потому очень смешно. Как раз крайнее противоречие формы и содержания, как раз стремление втиснуть в рамки строгого, логичного, сухого юридического документа мальчишеские шалости и игры, непредсказуемость ситуаций и событий, фантазию и живой ум — высекает огонь юмора и сатиры.

Это противоречие навязано детям взрослыми, теми взрослыми, которые давно заслонились от реальности, от живой школы пунктами и параграфами методических указаний, заседаниями, совещаниями, педсоветах и собственными объяснительными записками. И только тогда, когда они пытаются втиснуть в этот душный мир канцелярий и бумаг детей, становится ясно, сколь нелеп он и смешон. В рассказе

объяснительную на имя директора «Как я испортил школьный магнитофон», Агу и его друзья под впечатлением от рассказа учительницы о дуэли между Онегиным и Ленским решают устроить аналогичный поединок друг с другом. Роль оружия в романтическом поединке исполняют... помидоры. «Всем известно, — пишет Агу Сихвка, — что у противников на дуэли должно быть равноценное оружие, но Каур дал мне зеленый помидор, а Кийлике — гнилой. По этой причине я не стоял до конца, а в нужный момент лег на землю. И гнилой помидор Кийлике попал в живот классной руководительницы товарища Пюкил, которая как раз в этот момент подошла посмотреть, как мы работаем. Классная руководительница была очень рассержена, поскольку ее пальто было испачкано и нехорошо бросаться едой. И нас с Кийлике отправили стоять в школьную канцелярию, хотя я и

чен еще единственностью выбранного пути, единственностью выбранной профессии, который не сделал еще никакого выбора, а потому перед ним не одна, а сотни возможных жизней.

Но нравственные, этические принципы, подчеркивает писатель, закладываются уже сегодня, они обуславливают будущее. И поэтому очень важно, чтобы они не просто навязывались извне, но зрели в душе ребенка, становились его собственностью, его законом, духом, а не букве которого он бы следовал. В рассказе «Похороны черной свцы», вошедшем в цикл «Погоны», перед советом пионерского отряда пятого класса стоит важная проблема — как перевоспитать второгородника-силача, обижающего маленьких и слабых. Вначале ребята пытаются прибегнуть к готовым рецептам, пытаются использовать методы, которые, как им кажется, имеются в арсенале взрослых. Словом, они действуют по схеме и, естественно, у них ничего не получается. Понятия «цельная личность», «муки совести», «сложный процесс перерождения» — для них пока абстракции, не более. И в конце концов им «приходится» вспомнить, что они дети, что хулигана, который бьет слабых, нужно самого один раз отлупить, и именно этот элементарный урок действует на него гораздо сильнее, чем все самые справедливые, но пока еще не осознанные самими «воспитателями» слова.

Мир подростка — великая ценность, воспоминание о нем порой скрашивает всю последующую жизнь человека. Этот мир нужно беречь, и не надо торопить ребенка переходить в мир взрослых, к которому он еще не готов. Герой рассказа «Пионерское поручение» Юхан Салу (ему посвящен целый цикл произведений) пишет о своем товарище: «...в Эймаре живут два человека — простой человек и председатель совета отряда. Когда он простой человек, то выкидывает шутки почти что самого Туртса. Но как только вспомнит, что он председатель совета отряда, совсем другим становится: заставляет учиться... и не спустит ни одному опоздавшему».

Яан Раннап учит своих читателей-подростков легко и со смехом расставаться со своими недостатками и беречь свои достоинства, учит взрослых читателей почаще вспоминать свое собственное детство, когда мир еще не был познан.

Е. СКУЛЬСКАЯ.
Фото В. Лилле.

На соискание Государственной премии ЭССР

...и отбросив ярлыки дидактики

ТАК ЖЕ, как дети норовят иногда пропустить лирические отступления в книге и стремительно листают страницы, выпрямляя увлекательный сюжет, мы, взрослые, пытаемся порой как бы пропустить несколько лет в жизни ребенка, условно обозначив эти годы трудным или переходным возрастом.

Переходный возраст обидно отличается от трогательного, «уменьшительно-ласкательного» и такого понятного детства, от романтических и максималистских мечтаний юности. Мы нередко теряемся перед подростком одиннадцати-тринадцати лет, и если когда-нибудь сомневаемся в своих педагогических способностях, то именно в это время. Потому что вдруг оказывается, что прописные истины заляпаны кляксами недоверия, что аксиомы наших нуждающихся в доказательствах, что нраву учения больны зевотой, а штампы наших методов воспитания выглядят нелепо даже для нас самих...

Яан Раннап, чей сборник «Школьные рассказы» выдвинут на соискание Государственной премии ЭССР, — один из немногих наших писателей, решивший разобратся в этом трудном возрасте, отбросив ярлыки дидактики, отказавшись от идеи о том, что все подростки должны быть похожи на некую прилизанную абстракцию с идеальными оценками в дневнике и неукоснительно соблюдаемым режимом дня.

Прилизанной абстракции

нередко требуют от детей педагоги, но настоящую литературу не интересует стерильный стандарт, ее интересует ломка стандарта, ее интересует человеческая индивидуальность, не сходства, но, прежде всего, различия.

Героев Яана Раннапа, только что совершивших очередную проказу, не выведешь к школьной доске, не поставишь перед классом и не посоветуешь брать с них пример, — это было бы непедагогично. Но в глубине души каждый любящий детей не может не пожелать им походить на героев писателя, ибо за проказами его мальчишек открывается радость, счастливая жизненная сила, направленная на поиски истины.

Пожалуй, самыми популярными стали рассказы Яана Раннапа об Агу Сихвке, объединенные в цикл под общим названием «Агу Сихвка говорит правду». Агу Сихвка пишет объяснительные записки на имя директора, завуча, классного руководителя. Пионер шестого класса вступает в сложные «административно-канцелярские» отношения с вы-

«Как я опозорил доброе имя школы» учитель смотрит в окно и вдруг соглашается с детьми, прервавшими его урок: «Действительно, замечательный снег. Такой же, как во времена моей молодости». И учителю хочется пойти поиграть в снежки. Но он быстро вспоминает, что после работы у него ответственное заседание, а потом еще одно не менее ответственное совещание, да и детям нельзя терять время — сразу после занятий за ними приедет автобус, чтобы развезти по домам. И учитель, вздохнув, продолжает урок.

Яан Раннап вовсе не призывает заменить уроки игры и баловством, он только просит помнить, что когда школьный двор завален пыльными хлопьями свежего снега, то ребенку не может не захотеться поиграть в снежки. Об этом нужно просто помнить, это нужно просто понимать, иначе живая связь с детьми оборвется и превратится в неживую административную игру.

И вот участник этой административной игры Агу Сихвка пишет очередную

не был виноват, поскольку Каур нашел этот гнилой помидор, а Кийлике его бросил». Затем следует рассказ о том, как, оставшись в канцелярии, ребята нашли там магнитофон, как решили с его помощью обучиться иностранному языку во сне (не до конца обучиться, а только чуть-чуть, ведь иначе учителя иностранных языков останутся без работы, а пионеры никому не желают зла), как утащили магнитофон в спальню интерната, как в конце концов испортили его, и учительница квалифицировала их действия как «преступление с заранее обдуманными намерениями».

Опять же Яан Раннап ни в коем случае не предлагает ломать школьный инвентарь или оставлять эти действия безнаказанными, он только предлагает, отказавшись от юридической терминологии и прописных истин, увидеть за действиями ребят жгучий, пылкий интерес ко всему, что их окружает, когда все хочется испытывать самому, все испытать, все осилить и при этом остаться обычным подростком. Обычным подростком, который не ограни-